

Марина
СЕРОВА

**Криминальная
принцесса**

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Частный детектив Татьяна Иванова

Марина Серова

Криминальная принцесса

«ЭКСМО»

2023

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Серова М. С.

Криминальная принцесса / М. С. Серова — «Эксмо»,
2023 — (Частный детектив Татьяна Иванова)

ISBN 978-5-04-186118-6

В этот раз Марина Серова представляет детектив о сложной неженской работе частного сыщика Татьяны Ивановой. Частный детектив Татьяна Иванова разыскивает убийцу директора театра музыкальной комедии. Как выяснило следствие, Владислава убили выстрелом в грудь в его собственном кабинете, но Татьяна сомневается в этой версии. Ясно одно: убийца связан с театральными подмостками. Но кому могла быть выгодна смерть директора музкомедии? Марина Серова – феномен современного отечественного детективного жанра. Выпускница юрфака МГУ, работала в Генеральной прокуратуре. С 1987 года по настоящее время – сотрудник одной из специальных служб. Участвовала в боевых операциях и оперативных мероприятиях. Автор ряда остросюжетных повестей, суммарный тираж которых превышает двадцать миллионов экземпляров.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-186118-6

© Серова М. С., 2023
© Эксмо, 2023

Содержание

Глава 1	6
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Марина Серова

Криминальная принцесса

© Серова М. С., 2023

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Глава 1

«Ах, лето красное, любил бы я тебя, когда б не зной, да пыль, да комары, да мухи». Так сказал классик русской литературы и поэзии Александр Сергеевич Пушкин. И я с ним полностью согласна. Впрочем, от комаров и мух еще можно как-то отбиться, а вот от нестерпимого зноя... Конечно, существует такое чудо бытовой техники, как кондиционер, но все лето под ним не просидишь. А если учесть, что мне как раз в эту пору пришлось расследовать одно весьма запутанное преступление, то жарко мне было вдвойне, если не втройне.

Но, слава богу, расследование то я благополучно завершила и уже успела прийти в себя, а также встретиться со своими подругами Ленкой-француженкой и Светкой-парикмахершей. Мы несколько раз пересеклись и славно посидели в кафе. Я также совершила пару удачных набегов на бутики модной одежды, благо мой клиент заплатил за расследование более чем щедро. Но деньги имеют одно очень неприятное свойство: они очень быстро заканчиваются. Конечно, у тех, кто привык экономить или хотя бы не разбрасываться деньгами попусту, они покидают хозяев не так быстро. Но я не отношусь к числу бережливых. Поэтому в последние дни я ловила себя на мысли, что стала чаще прислушиваться к телефонным звонкам в надежде, что вот сейчас я подниму трубку, и взволнованный мужской или женский голос попросит помощи. Но таких звонков пока не было.

Я открыла холодильник: да, не густо. Наверное, уже пора отправиться в какой-нибудь супермаркет и закупиться. Но... Лучше я это сделаю, когда объявится клиент.

У меня уже сложилась такая практика, что необходимость совершать тотальные продуктовые закупки у меня наступает именно тогда, когда я получаю заказ на расследование. Это уже стало своеобразной традицией. Не буду от нее отступать и сейчас. Тем более что продуктов еще хватит... ну, на пару-тройку дней их еще точно хватит. Самое главное, что есть запас кофе – моего самого любимого напитка – и сигарет.

В это самое время, когда я проводила ревизию холодильника, затрещал телефон. Я обрадованно схватила трубку.

– Да, алло, – сказала я.

– Тань, – раздался голос Светки-парикмахерши, – ты уже проснулась?

– Обижает, Свет, – немного разочарованно произнесла я, поскольку рассчитывала услышать потенциального заказчика расследования, – что же я, по-твоему, способна дрыхнуть до полудня?

Вообще-то такой режим был мне не чужд. Но только в тех случаях, когда я была донельзя вымотана.

– Тань, я чего тебе звоню-то, – продолжала Светка, – вот мы уже посидели в кафешках, позагорали на пляже. А как насчет культурной программы?

– Да я, Свет, только «за», – отозвалась я.

– Ну, вот и славненько, – обрадованно произнесла подруга. – Значит, так, в запасе у тебя полдня, для того чтобы подготовиться к торжественному выходу.

– К торжественному выходу? А куда? – поинтересовалась я. – В высший свет?

– Да, – подтвердила подруга, – вечером мы с тобой идем на «Принцессу цирка». Моя постоянная клиентка, она же репетитор балетной труппы Покровского театра музыкальной комедии, дала мне два билета на сегодняшний спектакль. Ду ю андэрстэнд?

– Дую, но плохо, – ответила я.

Кажется, это были слова какого-то опереточного героя. Только вот какого? Может быть, из этой самой «Принцессы цирка»? Ладно, разберемся и попутно освежим в памяти музыкальный шедевр.

– Э-э, Тань, ты чего это? – забеспокоилась Светка. – Не хочешь, что ли, культурно развлечься?

– Да нет, Свет, ну что ты, – успокоила я ее, – просто вспомнила, что в какой-то оперетте был такой вот диалог. Только вот, в какой именно, не могу вспомнить.

– Вот, поэтому и надо почаще посещать храм искусства, – назидательно сказала подруга. – Короче, до вечера.

Времени до вечера было достаточно, так что я успела выбрать вечернее платье из лилового шелка, черные туфли-лодочки на шпильках и сумочку-клатч. Повертевшись перед зеркалом, я осталась довольна своим видом.

Да, гениальная музыка Кальмана еще раз доказала, что «Принцесса цирка» по праву является одной из жемчужин мировой музыкальной классики. Выразительные мизансцены, непринужденные переходы от прозаических диалогов к пению и танцам, и, конечно же, захватывающая история взаимоотношений главных героев – таинственного «Мистера Икса» и великосветской дамы – все это впечатляло.

В антракте мы со Светкой неспешно прогуливались по фойе и разглядывали фотографии актеров.

– Добрый вечер, – к нам подошла худощавая, невысокого роста женщина лет тридцати пяти в джинсах и жакете.

Я обратила внимание на перламутровые пуговицы. Было видно, что пуговицы дизайнерской работы. Но и сам жакет привлекал внимание. Слегка приталенный, трехцветный, с чередованием черных, белых и желтых полос, и к тому же с эффектом вытянутых петель. Очень интересно и неизбито.

– О, Маргарита, – откликнулась Светка, – добрый вечер. Тань, это Маргарита Павловна Старожилова, репетитор балетной труппы театра, помнишь, я тебе говорила?

– Ох, Светлана, ну зачем же вы так официально? – покачала головой Маргарита. – Можно подумать, что я уже древняя старуха.

– Да нет, ну что вы, – смутилась Светка. – Маргарита, это моя подруга Татьяна, – представила меня Светка.

– Очень приятно, – сказала Маргарита, слегка наклонив блондинистую голову со стильной стрижкой.

Ну да, Светка постаралась на славу, придав тонким и жидким волосам репетитора очень даже приличный вид. А ведь эта репетиторша чем-то то ли огорчена, то ли озабочена. Это состояние ясно было написано на ее невзрачном, с мелкими чертами лице.

– Мне тоже очень приятно, Маргарита, – сказала я.

– Ну, как вам спектакль? – спросила Маргарита.

– Ой, все потрясающе! – воскликнула Светка. – Мне особенно понравился «Танец со змеей», ваша, Маргарита, ведь работа?

– Моя, – без ложной скромности ответила репетитор и обратилась ко мне: – А вам, Татьяна?

– «Танец со змеей», конечно же, впечатляет, – улыбнулась я, – но знаменитая ария Мистера Икса «Цветы роняют», на мой взгляд, еще больше.

– Да, да, конечно, – скороговоркой завершила нашу беседу Маргарита и, извинившись, ушла.

– Маргарите изменяет ее любовник, – слегка понизив голос, сообщила мне Светка.

– Да? Вы с ней такие подруги, что она делится с тобой своими сердечными делами? – спросила я.

– Тань, ты что, ревнуешь, что ли? – Светка внимательно посмотрела на меня.

– Да нет, конечно, с чего ты взяла? – я пожала плечами. – Просто интересно.

– Ну, подругой я ее назвать не могу, она – моя клиентка. Но, знаешь, Тань, все ведь в жизни бывает. Иной раз необходимо кому-то выговориться. И не всегда для этой цели подходят родственники или подруги. Понимаешь, сестра или мама могут высказать свою точку зрения, но она может не всегда устроить. Или же человеку не нужны никакие советы, ему нужно, чтобы его просто выслушали и все. Вот для такой цели как нельзя лучше подходит стилист, или мастер маникюра, или портниха.

– Ясно-понятно. Значит, ты, Светик, выполняешь функцию исповедника, – резюмировала я.

– Ну, вроде того, – согласилась подруга.

После окончания спектакля мы со Светкой обменялись впечатлениями, сойдясь во мнении, что оперетта зарядила позитивными эмоциями и подарила праздник, и разошлись по домам.

Прошло еще два дня. Меня уже всерьез начало беспокоить мое затянувшееся безделье и отсутствие заказов на расследование. И вот наконец-то рано утром прозвучал долгожданный телефонный звонок.

– Да, – немного хриплым спросонок голосом отозвалась я.

– Мне нужна Татьяна Александровна Иванова, – сообщил взволнованный женский голос.

– Я Татьяна Александровна, – подтвердила я, – я вас слушаю.

– Татьяна Александровна, меня зовут Екатерина Григорьевна Нерасстроева. У меня большое горе – убит мой старший брат. Помогите, пожалуйста.

– Давайте с вами встретимся, – предложила я, – потому что по телефону такие вопросы не решаются, вы согласны?

– Да, конечно, – ответила Екатерина, – просто я очень волнуюсь, и я... совершенно раздавлена гибелью брата. У меня есть ваш адрес, когда можно будет подъехать?

– Приезжайте прямо сейчас, – ответила я и отключилась.

До приезда Нерасстройевой я успела быстро принять душ, переодеться и причесаться. Убираться в гостиную я не стала, потому что еще вчера вечером привела все в порядок.

Услышав звонок в дверь, я быстро подошла и открыла. На пороге стояла молодая темно-волосая женщина в элегантном брючном костюме цвета бирюзы. На вид ей можно было дать лет тридцать-тридцать три.

– Я Екатерина, – сказала женщина, – я вам только что звонила.

– Да, да, проходите, пожалуйста, – пригласила я ее.

Я проводила Екатерину в гостиную и усадила на диван, а сама расположилась в своем любимом кресле.

– Я вас слушаю, Екатерина Григорьевна, – сказала я.

– Татьяна Александровна, как я уже сказала по телефону, моего старшего брата убили выстрелом в грудь. И я очень вас прошу найти того, кто это сделал, найти преступника, – тут голос Екатерины дрогнул.

– А что, разве полиция не занимается его поиском? – спросила я.

– Занимается... вроде бы, но мне сразу сказали, что улики нет, и что... – Нерасстроева махнула рукой. – В общем, это может затянуться на неопределенное время. А я прилетела из Питера, я сейчас там живу, у меня собственный бизнес, – пояснила женщина. – И я честно скажу: не надеюсь я на то, что полиция найдет преступника. Ну, то есть искать-то они, конечно, будут, но вот насчет результата... тут я очень сомневаюсь.

– Понятно, – сказала я, – но все-таки, прежде чем я дам свое согласие на расследование преступления, мне необходимо узнать некоторые подробности. Прежде всего скажите, как зовут вашего брата, чем он занимался и где он был убит?

– Брата зовут... звали Владислав Григорьевич Дубовицкий, он – директор Покровского театра музыкальной комедии... был. Как выяснило следствие, он был убит выстрелом в грудь в театре, у себя в кабинете. Труп обнаружила вахтерша. Вот, собственно, и все, что мне известно.

– А вы давно живете в Санкт-Петербурге? И как тесно вы общались с братом? – задала я следующий вопрос.

– В детстве мы были очень дружны, несмотря на разницу в возрасте. Владик старше меня на пятнадцать лет. Наши родители погибли в горах во время туристической поездки, и воспитывала нас бабушка, мама папы. Но сейчас и ее уже тоже нет. А Владик все время опекал меня, а впоследствии и помогал материально.

– У вашего брата есть семья, дети?

– Нет, детей у него не было, хотя он был женат, правда, недолго. Но вскоре они с супругой разошлись, она уехала в Австрию и там вышла замуж.

– Понятно. Но ведь ваш брат был еще совсем не старым мужчиной. – Банальная математика, могу я сказать. У покойного директора театра с сестрой разница в возрасте 15 лет, о чем она мне и сказала. Ей от силы... пусть тридцать пять, ему было около пятидесяти. И впрямь молодой еще. – Я имею в виду то, что, возможно, у него были какие-то отношения с женщинами. Вам, Екатерина, что-нибудь об этом известно?

– Конкретного ничего не могу сказать по этому поводу, – призналась женщина. – Видите ли, мы никогда не обсуждали с Владиславом его личную жизнь, так уж повелось. Но, я думаю, что женщины у него были. Опять же, насчет того, были ли это постоянные отношения или кратковременные романы, тоже ничего определенного сказать не могу. Я была у него в квартире. Так вот, ничего такого, что выдавало бы присутствие женщины, я там не обнаружила.

«Ну, это еще ни о чем не говорит, – подумала я, – Дубовицкий мог уже и расстаться с очередной дамой сердца. А новую еще не успел привести. Вот поэтому Екатерина и не увидела в квартире никаких женских вещичек... Стало быть, директор театра жил один, без жены, детей и прочих родственников».

– Скажите, Екатерина, а были ли у вашего брата враги? – спросила я без особой, впрочем, надежды на получение полезной информации. Старший брат с опекаемой сестренкой вряд ли будет делиться проблемами, а с учетом того, что она постоянно живет в другом городе...

– Враги? – недоуменно переспросила женщина. – Но почему вы об этом спрашиваете?

– Но ведь просто так убийство не совершают, возможно, ваш брат кому-то, что называется, перешел дорогу, – объяснила я.

– Не знаю, что и сказать. Мы ведь с Владиком последние годы жили отдельно. Он – в Тарасове, а я – в Питере. Но ничего такого, о чем вы говорите, как будто бы не было. Во всяком случае, брат мне не рассказывал о своих проблемах. Да и вообще... вы знаете, Владик был очень добрым, отзывчивым человеком. Вряд ли он мог кому-то досадить до такой степени, что...

«Ну, отзывчивым он мог быть только по отношению к сестре, – подумала я, – и не факт, что и к остальным тоже. К тому же нужно учесть, что это – театральная среда. А в ней, как известно, порой кипят такие страсти, такие эмоции, которые не снились даже самому Шекспиру. Каждый считает себя звездой первой величины, а к другим нередко испытывает негатив. Нельзя сбрасывать со счетов и такое чувство, как зависть. Поэтому вполне возможно, что добрый и отзывчивый Владислав Дубовицкий мог очень сильно обидеть кого-то из театральной труппы. И вот – результат налицо. Эту версию надо будет обязательно проверить... если я вообще возьмусь за расследование. А еще... Кто-то мог попытаться «подсидеть» директора театра. Возможен и другой вариант – с чиновниками что-то не поделил. В общем, Управление культуры тоже надо бы проверить».

– Так что же, Татьяна Александровна, возьметесь за это расследование? – оторвала меня от размышлений Екатерина Нерасстроева.

Женщина с мольбой посмотрела на меня.

– Я знаю ваши расценки и уже приготовила аванс.

Екатерина вынула из черной сумочки пачку денег и положила купюры на стол.

– Хорошо, я согласна, – ответила я. В самом деле, и человеку помогу, и собственное материальное положение поправлю. – Давайте обменяемся координатами. Вот моя визитка, здесь есть, помимо домашнего, и сотовый номер.

Екатерина, в свою очередь, оставила мне номер своего мобильного телефона и адрес гостиницы, в которой она остановилась.

– В гостинице? – слегка удивилась я, записав информацию в блокнот. – Почему не в квартире брата? Его ведь не там убили...

– Таня, понимаете, я и раньше... когда Владислав жив был... приезжала в Тарасов, останавливаться предпочитала в гостинице. И его своим присутствием не утомляла, и сама свободна в передвижениях, – слегка пожала плечами моя теперь уже клиентка. – А теперь... и вообще невозможно там находиться – такая пустота кругом...

И эта ее тирада навела меня на следующий вопрос.

– Екатерина, скажите, кто унаследует квартиру после смерти вашего брата? Вы говорили, детей у него не было... – действительно, и как же я раньше не спросила? Между прочим, по статистике, преступления ради наследства – в первой тройке.

Женщина растерянно моргнула:

– Знаете, я и не задумывалась. Не знаю, оставил ли Владик завещание вообще – все-таки он молодой... был, о смерти и не задумывался. Но если завещания нет, скорее всего, я наследница. С женой они давно развелись, детей у брата не было... – она замолчала, задумавшись, и вдруг всплеснула руками: – Тань, вы же не думаете, что это я... Я и не могла... в Питере была, дома.

Я попыталась сказать, что и не собиралась ее подозревать, но не успела.

– Слушайте, а ведь поэтому меня в полиции расспрашивали очень долго и как-то... введливо, что ли, – зачастила Екатерина. – Спрашивали, когда я приехала, хотя сами же со мной связались. Интересовались нашими с Владиком отношениями. Ну и...

Я сочувственно покивала: знаю, как наши доблестные служители закона могут на нервах играть.

Мы с Екатериной составили договор, и она ушла. А я уже по привычке отправилась в спальню и достала из замшевого мешочка свои додекаэдры.

Гадать на «костях», перед тем как браться за новое дело, уже стало для меня своеобразной традицией. Теперь необходимо сосредоточиться, мысленно задать «костям» интересующий меня вопрос и метнуть двенадцатигранники.

Вопрос у меня, конечно, был один: чего мне ожидать от предстоящего расследования. Посмотрев на образовавшуюся комбинацию чисел, я поняла, что «звезды» мне благоприятствуют и что расследование завершится успешно.

Снова спрятав додекаэдры в мешочек, я отправилась на кухню. Начинать расследование на пустой желудок не дело. Поэтому я быстро пожарила яичницу с ветчиной и нарезала к ней огурцы и помидоры. Завтрак я завершила чашечкой ароматного кофе.

«Так, теперь надо будет навеститься к Кирьянову, – подумала я, – наверняка это дело об убийстве находится в его ведении. А если и нет – с его помощью все равно удастся какой-никакой информацией разжиться».

Но сначала не мешало бы позвонить полковнику: ведь его часто вызывают, можно и не застать на месте.

Я набрала номер.

– Алло, – раздался в трубке знакомый голос. – Кирьянов слушает.

– Привет, Володь. Это я, Татьяна.

– О, Таня! – обрадованно воскликнул Владимир. – Рад тебя слышать. Ты по делу или просто решила вспомнить старого друга?

– И то и другое, – ответила я. – Конечно, Володь, я рада поговорить с тобой, что называется, за жизнь. Но не буду скрывать: сегодня ко мне пришла клиентка с просьбой расследовать убийство ее брата. Она приехала из Питера, потому что в настоящее время там проживает, и, собственно, никаких деталей произошедшего она не знает. Вот поэтому я и хочу все выяснить из первых, так сказать, рук, то есть у тебя.

– Ну так приезжай, о чем разговор, – предложил Кирьянов.

– А ты будешь на месте? Никуда не планируешь отлучиться? – поинтересовалась я.

– Тань, ты что, забыла, что на службе я себе не принадлежу? Могут и вызвать, конечно, – заметил Владимир.

– Тогда я немедленно собираюсь и еду к тебе, – пообещала я.

– Давай. До встречи.

Я действительно собралась на редкость быстро, обычно у меня на это уходит гораздо больше времени. Я надела белую футболку и голубые джинсы, потом нанесла легкий макияж, уложила волосы на макушке и, перекинув через плечо сумку, спустилась во двор. Спустя несколько минут я уже ехала в своей машине к Управлению полиции, где работал Кирьянов.

– Проходи, Тань, – пригласил Владимир. – Ну, что там у тебя? Или, точнее сказать, кто?

– Дубовицкий Владислав Григорьевич, – ответила я, садясь напротив Кирьянова. – Знакомое сочетание?

– Еще бы. Это директор Покровского театра музыкальной комедии.

– Да, точно так. Сестра убитого рассказала, что его обнаружили в его же собственном кабинете в театре. Убит он был выстрелом в грудь. Это так, Володь? – спросила я.

– То, что он был застрелен, это так, – подтвердил Владимир. – Но вот насчет того, был ли Дубовицкий убит у себя в кабинете или где-то в другом месте, тут, Тань, не все так однозначно. Криминалисты над этим сейчас работают. Но... отпечатки пальцев тщательно затерты, следы крови на поверхностях мебели в помещении обнаружены не были.

– Ну то, что пальчики затерты, еще ни о чем не говорит, – пожала я плечами. – Только ленивый детективов не читает. А там везде написано об отпечатках пальцев. А что с кровью?

– Ранение в верхнюю долю легкого, сама понимаешь, кровь буквально хлестала. Следы остались только на одежде, больше нигде.

– Тело перемещали? – задала я следующий вопрос.

– Тань, предположительно нет. Но...

– Полагаешь, Дубовицкого могли застрелить в другом месте? Ты это, Володь, хочешь сказать?

– Все может быть, – обтекаемо ответил Кирьянов.

– Оружие нашли? – спросила я.

– Нет, Тань. Но предположительно, Дубовицкий был застрелен из пистолета марки «Макаров», – сообщил Кирьянов.

– Вот как?

– Да. И, скорее всего, преступник забрал пистолет с собой. Во всяком случае, в кабинете пистолета не было. Но это еще не все. Кроме выстрела, Дубовицкого еще и душили, причем уже посмертно. На шее остались характерные следы. Других повреждений на теле обнаружено не было. Так, незначительные царапины и синяки. Смерть наступила примерно часов в одиннадцать ночи.

– Интересно. Удушение – это, что же, наподобие контрольного выстрела, что ли? Чтобы убедиться? Или же что б уж наверняка? А может быть... преступник после выстрела вошел в состояние аффекта? Вот тебе и удушение, – размышляла я вслух. – Как вариант, парочка

преступников, решивших покончить с директором в один день, но один успел к шапочному разбору – и, не выдержав разочарования, хоть труп решил придушить.

– Циничная ты, Танюх, – фыркнул Кирьянов. Посерьезнел и заметил: – Трудно сказать, к чему там удушение. В этом деле все как-то... – Кирьянов замаялся, подыскивая точную формулировку, – не по правилам, что ли. Вот и в его кабинете беспорядок был нешуточный, как будто бы что-то искали. Все перерыто, содержимое полок сброшено на пол.

– А может быть, это всего лишь имитация? Ну устроили бедлам, для того чтобы направить следствие по ложному следу? – высказала я свое предположение.

– И такое вполне возможно, – согласился со мной Владимир.

– Предположения по росту-возрасту убийцы? – В ряде случаев экспертиза дает возможность выяснить угол расположения входного пулевого отверстия. И иногда эта информация может оказаться полезной.

– Нет, откуда? Это же не ножевое. Возможно, появятся позже, когда эксперты вытащат пулю.

– Коллег опрашивали? В театре? Кто-то что-то слышал?

– Работаем над этим, разумеется, – грустно проговорил Кирьянов. – Только толку-то? На этаже, где кабинет находится, никого не было – поздно уже, вечер. Никто ничего не видел и не слышал.

– А что с квартирой?

– А что с ней? – пожал плечами приятель. – Осмотрели, конечно. Вдруг его там пристрелили, а потом зачем-то в театр привезли? Никаких следов. Ни-че-го, Тань.

– Соседей Дубовицкого, разумеется, опросили?

– Частично. Некоторые отсутствовали. А может, не хотели открывать. Ну ты сама знаешь, как это бывает, как у нас «любят» полицию.

– Скажи, а сотовый Дубовицкого изъяли? Ведь ему могли звонить.

– Да, телефон мог бы многое прояснить. Но сотового Дубовицкого мы не нашли.

Та-ак, это интересно, особенно с учетом бедлама в кабинете. Искали информацию? Какую? Или контакты? Или преступник забрал телефон, потому что его можно было обнаружить через звонки? Допустим, звонил незадолго до убийства, договаривался о встрече. Но это и так можно сделать, только займет чуть больше времени – достаточно запросить последние вызовы владельца соответствующего номера. О чем я Кире и сказала.

Он покивал с нарочитой серьезностью:

– И что бы мы без тебя, Танюх, делали? Запрос в телефонную компанию уже отправлен, со дня на день ждем распечатку звонков и начнем по ним работать.

– Ты же со мной поделишься, правда? – похлопала глазками я.

Получила согласие и продолжила допрашивать полковника:

– А как насчет камер наблюдения?

– Тань, в доме, где проживал Дубовицкий, камер нет, – ответил Кирьянов. – Такие вот дела.

– Как нет? Такое еще бывает?

– Там обычный дом, не элитный. Никто камерами и не заморачивался, – пожал плечами Кирьянов.

– А в театре?

– Тоже нет, – отрицательно мотнул головой Кирьянов. – Говорят, финансирования недостаточно.

– Да, дела как сажа бела... А к каким выводам пришло следствие?

Киря вздохнул:

– Пока ничего определенного нет. Но однозначно можно сказать, что это – убийство, а не суицид. В общем, очередной «глухарь», я так думаю.

«Ну, понятно, что убийство, – подумала я. – Самоубийцы все больше пулю в череп предпочитают. К тому же пистолета в кабинете не оказалось. Не мог же Дубовицкий выстрелить себе в грудь, а потом избавиться от пистолета.

– А теперь расскажи мне поподробнее, кто и каким образом обнаружил Дубовицкого, – попросила я.

– Вахтерша, Филиппова Варвара Никифоровна, она же и вызвала полицию где-то в шесть часов утра, – ответил Кирьянов.

«Но ведь какие-никакие камеры должны же быть, – подумала я, – ну, хотя бы при входе в театр. А еще – в окрестных магазинах. Ладно, этот вопрос я изучу».

– А что вахтерша делала в театре в такое время? – удивилась я. – У них нет ночного сторожа?

– Танюш, я сам, если честно, в это не влезал. У меня и без того хлопот полон рот. Вроде бы подменяла кого-то. Ребята говорят, тетка вне подозрений. Но ты же все равно будешь с ней разговаривать? Вот и выяснишь.

– Логично, – согласилась я. – Значит, и впрямь прежде всего надо поговорить именно с ней, – задумчиво проговорила я, вставая со стула. – Ладно, я пойду.

– Удачи тебе, Таня, – сказал Владимир.

Я попрощалась с Кирьяновым и вышла из Управления. По дороге в театр я размышляла над фактами, которые мне сообщил Владимир. Странно, почему убитого Владислава Дубовицкого обнаружила вахтерша, а не ночной сторож? Ведь в обязанности вахтера входит дневное дежурство. Или же она пришла на вахту так рано? А что же тогда делал сторож? Но это – не главный вопрос.

Я припарковалась недалеко от театра, на специально выделенной площадке и поднялась по ступенькам.

Справа от главного входа находилась билетная касса. Я подошла к ее окошку.

– Скажите, пожалуйста, – обратилась я к женщине в очках, которая сидела в помещении кассы, – где можно найти Филиппову Варвару Никифоровну?

– Это вам нужно обойти здание и пройти через служебный вход, – объяснила билетерша.

Я вышла и, сделав полукруг, нашла дверь с надписью «Служебный вход». На вахте – в застекленной будке – сидела женщина пенсионного возраста в блузке в мелкий цветочный рисунок.

– Здравствуйте, – обратилась я к ней, – мне нужна Варвара Никифоровна Филиппова. Не подскажите, где ее найти?

– Вот она, вся тут, перед вами, – сказала женщина, слабо улыбнувшись. Выглядела она уставшей и озабоченной.

– Варвара Никифоровна, меня зовут Татьяна Александровна Иванова. Я частный детектив и занимаюсь расследованием убийства директора вашего театра. Мне необходимо с вами поговорить. Где это можно сделать? – спросила я.

Филиппова растерялась.

– Ой, а почему вы ко мне обратились? Ведь у нас начальство остальное, слава богу, еще живо. Вот есть заместитель Владислава Григорьевича, художественный руководитель опять же... Я-то чем могу вам помочь? – недоуменно спросила вахтерша. – Да и в полиции меня уже и так, и эдак расспрашивали, вымоталась вся.

– Ну, как же чем? Ведь это вы первая обнаружили директора, так?

– Ну да, я, – подтвердила Филиппова.

– Ну вот именно поэтому я сначала хочу поговорить с вами. А до заместителя и художественного руководителя очередь еще дойдет. Так где, Варвара Никифоровна, мы сможем поговорить, чтобы нам никто не помешал? – снова спросила я.

Филиппова задумалась.

– Давайте пройдем к нашей заведующей костюмерным цехом, к Зинаиде, там и поговорим, – наконец сказала вахтерша.

– Давайте пройдем, – согласилась я.

– Сейчас я только попрошу кого-нибудь подменить меня на вахте, – сказала Филиппова и скрылась в коридоре.

Минут через пять она вернулась в сопровождении мужчины примерно ее возраста. Он сел на место Варвары Никифоровны, а мы с ней отправились в костюмерный цех.

Мы с Варварой Никифоровной долго шли по длинному нескончаемому коридору, потом завернули направо, и Филиппова остановилась перед дверью, на которой было написано «Костюмерная». Женщина постучала и, не дожидаясь ответа, толкнула дверь вперед. Я увидела просторное помещение, в котором стояли большие столы с наваленными на них тюками ткани. Чуть поодаль находились вешалки-кронштейны с уже готовой одеждой. В одном из углов стоял небольшой стол, накрытый кружевной скатертью. На столе находились чашка, пачка чая «Гринфилд» и электрический чайник. Рядом со столом стояли два стула, а еще дальше – кресло, тоже заваленное кусками ткани.

– Ой, Варвара, это ты, что ли? – Из-за одной стойки с одеждой выглянула немолодая женщина в цветастом платье. – Да ты не одна, я смотрю.

– Вот, Зина, познакомься. Это Татьяна Александровна, частный детектив, – отрекомендовала она меня, – будет искать того, кто убил Владислава Григорьевича.

– Да разве ж его найдешь? – вздохнула Зинаида и вышла на свободное от кронштейнов место.

В это время у Зинаиды зазвонил телефон.

– Да, да... слушаю. Алена? Ну, как и договорились. Что? Ладно, сейчас подойду.

Зинаида вышла из помещения, оставив нас с Варварой Никифоровной.

– Это дочка Зины, Алена, – объяснила Филиппова, – да вы садитесь, Татьяна Александровна. У Зинаиды тут, я смотрю, и пошивочный цех частично расположился со своей тканью. Ну, ничего, в тесноте, как говорится, да не в обиде. Садитесь, Татьяна Александровна.

Женщина кивнула на стул, стоящий рядом со столом. Сама она села на соседний стул.

– Ах, детки, детки, – вздохнула Варвара Никифоровна, – правильно говорят, что малые дети до срока, а большие – до гроба... ой, – она испуганно прикрыла рот. – Да что же это я... простите... Вы ведь, Татьяна Александровна, хотели поговорить со мной, ну об этом, о нашем директоре, Владиславе Григорьевиче, царствие ему небесное.

Филиппова перекрестилась.

– Да, Варвара Никифоровна, расскажите, как так получилось, что вы обнаружили труп Дубовицкого в его кабинете, – попросила я. – Вы, кстати, во сколько часов заступаете на вахту?

– Работа у меня начинается в восемь часов утра, Татьяна Александровна, – ответила Филиппова.

Я удивилась.

– Подождите, но ведь в полицию вы позвонили гораздо раньше, ведь так? – спросила я.

– Так. Но дело в том, что в тот день я помимо своей основной работы – сидеть на вахте – выполняла еще обязанности ночного сторожа, – объяснила женщина. – Так уж получилось, что Ольга попросила подменить ее мужа Алексея. Ольга – это моя соседка и приятельница, мы с ней знакомы уже много лет. А Лешка – это ее муженек непутевый, алкоголик со стажем. Мучается она с ним почти всю жизнь. Так-то он мужик ничего: не вредный, не буйный, даже когда в запой уходит. А в ту ночь у него как раз запой и начался. Так вот и получилось, что я после своей работы осталась в ночь. Но мне это даже на руку было. Дело в том, что у меня свои проблемы дома остались, – Филиппова вздохнула. – У единственного сына семейная жизнь не заладилась. Представляете, мой Виктор прожил с женой восемнадцать лет, дочке его, то есть моей внучке, тоже восемнадцать недавно исполнилось. И вот появилась у него любовница

Вероника, ей девятнадцать лет! Дочка и любовница почти ровесницы. Я прямо даже заболела, когда узнала. Ну вот чего ему не хватало, спрашивается? Жена, Аллочка, аккуратистка и чистюля, готовит изумительно, в доме все блестит. Так нет же! Говорит, что с ней ему скучно, а вот с Вероникой – хорошо и легко, с ней он чувствует себя молодым. Ага, молодой, как же! Боюсь я, что разойдутся они. А Вероника его бросит через какое-то время, это уж как пить дать! Вот я дома себе места и не нахожу. На работе я как-то еще отвлекаюсь и не даю грустным мыслям волю. Так что... Ой, что же это я разболталась! – спохватилась Варвара Никифоровна. – Вы уж извините меня, Татьяна Александровна, за болтливость мою.

– Ну ничего страшного, Варвара Никифоровна.

На самом деле я уже давно хотела ее остановить. Но потом подумала: пусть говорит. Человек, когда делится своими проблемами, начинает подсознательно доверять собеседнику, расслабляется. Вдруг вахтерша вспомнит что-нибудь, что мне поможет в расследовании?

– Вы расскажите все, что касается того дня, когда произошло убийство директора, – попросила я. – Кто приходил в тот день в театр, какие разговоры вы слышали, может быть, было что-то необычное. Вспомните, пожалуйста.

– Хорошо, – кивнула Филиппова, – значит, так. В течение дня ничего такого особенного, из ряда вон выходящего, не было. Это я точно помню. Ну все, как всегда, как обычно. Кто заглядывал на вахту, вы спрашиваете? До начала спектакля тут были рабочие сцены, но они мимо проходили, каждый по своим делам. Кажется, еще электрик Денис заходил, ключи брал, ему нужно было щитки проверить. Ну, а так вроде бы никого и не было. Нет, вру, из прачечного цеха Неля подошла. Но к ней знакомая пришла, принесла какие-то вещи покрасить. У нас, знаете, кроме стирки, еще и красят костюмы, если требуется нужный оттенок. Так вот, постояла Неля со своей знакомой, поговорили они, Неля взяла сверток у нее и пошла к себе.

– Так, а что же Владислав Григорьевич? Он в тот день не появлялся в театре? – спросила я.

– Как не появлялся? Конечно, он был. Владислав Григорьевич каждый день в театр приходит... приходил. Господи, ну никак не привыкну к тому, что его больше нет... Вот жизнь-то какая! Сегодня ходит человек, а завтра его уже нет, – женщина покачала головой.

– Так когда же Владислав Григорьевич появился в театре? – повторила я свой вопрос.

– Да... пришел он часов в десять утра, потом уезжал куда-то. Вернулся уже под вечер. Недолго он пробыл у себя, минут тридцать, наверное.

– А потом что? – спросила я.

– А потом уехал. Сказал мне «до свидания» и все.

– Как «все»? – удивилась я. – Вы сказали, что директор уехал вечером. Так?

– Да, так, все верно, – подтвердила Филиппова. – Около восьми уехал, я на часы смотрела.

– Но ведь он должен был вернуться к себе в кабинет. Ведь именно там вы его обнаружили и позвонили в полицию. Верно?

– Верно, – растерянно подтвердила Варвара Никифоровна.

– Так когда же Владислав Григорьевич снова вернулся? Во сколько это было? – еще раз спросила я.

– Ой... не помню. Вроде бы... послушайте, Татьяна Александровна, вот совершенно из головы вылетело...

Вахтерша сокрушенно покачала головой.

– Варвара Никифоровна, послушайте, это очень важно. Ведь вы все время были на вахте?

– Ну, да... была.

– Вы никуда не отлучались? – настойчиво продолжала я спрашивать вахтершу.

Филиппова ответила не сразу.

– Ох, Татьяна Александровна, виновата я, наверное, – наконец сказала женщина. – Ведь вышла я всего на пять минут за анальгином, тут аптека за углом. Голова разболелась, видно, от

всех моих семейных переживаний. А я по опыту знаю, если сразу таблетку не принять, голова так разболится, что потом сутки будет донимать. Вот я и решила пойти в аптеку, ну дело-то уже к ночи шло. Я и подумала, что народу у нас в это время совсем не бывает, так что я не особо и нужна буду. Нет, я, конечно, понимаю, что пост свой оставлять нельзя...

– Во сколько примерно вы уходили?

– Около одиннадцати вечера. У нас буквально за углом аптека круглосуточная, я туда и побежала. Минут пять-десять меня не было всего-на-всего...

– Дверь вы заперли? – спросила я.

– Да, конечно, заперла, – серьезно заявила вахтерша. – Как же иначе? Открытой-то нельзя оставить, мало ли кто войти может.

– В театре в это время кто-то оставался?

– Да нет вроде, все разошлись, – покачала головой женщина. – Но точно не скажу. Те же актеры перед серьезной постановкой, бывает, ночи напролет репетируют. Костюмеры тоже задерживаются. Да и работники сцены – то занавес поправить надо, то осветительные приборы подлатать. У нас же большая часть оборудования – рухлядь, сыпется на ходу!

– Ключи у кого-то есть? Кто-нибудь мог зайти в театр, пока вас не было на месте? – уточнила я.

Варианты, конечно, есть. Директор мог вернуться один, с собственными ключами. Мог – с кем-то вдвоем, скажем, с предполагаемым убийцей, и тому ключ не понадобился. А могли поодиночке, тогда у убийцы должен быть ключ. Ну или преступник затаился в здании театра, а потом каким-то образом незаметно отсюда выбрался.

– У директора ключи были, это точно. А у кого еще – не могу сказать, мне не докладывают. Я тут чужих пропускаю, ну и от кабинетов все ключики у меня висят, сдают, чтобы порядок был, – произнесла моя собеседница. – А от входа – у меня два комплекта, мой и ночного сторожа, мало ли что? У директора были. Может быть, и кто-то еще себе сделал, не знаю.

– А камеры на входе есть?

– Да они давным-давно не работают. Не камеры, а горе одно. Но положено, чтобы они были, вот и висят, а все без толку.

Филиппова опустила голову.

– Ладно, Варвара Никифоровна, чего уж теперь сокрушаться. Вы лучше вот что скажите: а мог Владислав Григорьевич пройти в свой кабинет не через служебный вход, а через парадный? – спохватилась я.

«Если нет, у меня, по крайней мере, есть приблизительные временные рамки преступления».

Филиппова пожала плечами.

– Да кто его знает... наверное, мог. Он же здесь хозяин, как ему удобно было, так и прошел, – объяснила она.

«Как-то все это странно, – подумала я, – зачем Дубовицкий приехал в театр около одиннадцати часов вечера? Раньше – не проскочил бы мимо вахтерши... или все же через парадный? Если предположить, что он прошел через служебный вход именно тогда, когда Варвара Никифоровна в аптеку ходила... получается, дошел до кабинета – и его убили? Ведь именно в это время, по заключению экспертов, наступила смерть. А убийца? Он пришел вместе с Дубовицким или позже?»

– Скажите, Варвара Никифоровна, а раньше были такие случаи, что директор так поздно появлялся в своем кабинете? – спросила я.

– Ой, вот не скажу, я же не ночной сторож. Это ж меня только один раз попросили подменить, я вам рассказывала, что Ольга, моя соседка...

– С ночным сторожем как можно пообщаться?

– Я вам адресок его запишу, – схватила за ручку вахтерша. И несчастно посмотрела на меня: – Только... не факт, что он из запоя своего вышел. Сегодня в ночь Ольга собиралась дежурить, жена его.

Я все равно взяла контакты ночного театрального сторожа – надо будет с ним пообщаться. И задала очередной вопрос:

– Вы вот еще что вспомните: в течение рабочего дня к директору кто-нибудь приходил? Ну, вот вы сказали, что мимо вахты проходили рабочие сцены, из прачечного цеха, электрик. А лично к Владиславу Григорьевичу?

– Вспомнила! – воскликнула Филиппова. – К нему приходил один бизнесмен, Подбельский Геннадий Олегович.

– Кто он такой? Чем занимается? – быстро спросила я.

– Он владеет каким-то рестораном, кажется. Или это клуб? Точно я не знаю. Но то, что он театру помогает деньгами, это я знаю наверняка. Благотворительность называется. Он за это налог меньше платит. И ему выгодно, и театру помощь большая, – объяснила Филиппова.

– А во сколько он приходил, этот Подбельский? – задала я еще один вопрос по поводу бизнесмена.

– Ну это днем было, еще до обеда, – ответила вахтерша.

– А давно он благотворительностью занимается? – продолжала расспрашивать я.

– Да пару лет точно будет. Мы благодаря его помощи смогли обновить репертуар: костюмы новые сшить, декорации, опять же, изготовить. На все ведь средства нужны, и немалые.

– Хорошо. Скажите, Варвара Никифоровна, вот вы утром обнаружили Владислава Григорьевича в его кабинете. А зачем вы туда пошли? – спросила я.

– Ну как же. Ночному сторожу положено обход утренний делать. Вот я и пошла. А потом увидела, что дверь в кабинет Владислава Григорьевича приоткрыта, и свет почему-то горит, хотя светло уж на улице было. Ну и вот... открыла я дверь пошире, а там... Ну я сразу начала в полицию звонить.

– Подождите, вы только дверь полностью открыли и на пороге остановились? Или вошли в кабинет? – уточнила я.

– Вошла в кабинет, – со вздохом ответила женщина, – хотя и с порога было видно, что он... ну, на рубашке спереди кровь видна была. И сидел он... так живые люди не сидят.

– А где, кстати, он сидел? – спросила я.

– В своем кресле. У него в кабинете широкий кожаный диван стоит, черный, а рядом с ним – кресло, тоже из черной кожи, – ответила Филиппова.

– В кресле за столом?

– Нет, за столом – специальный стул. Анатомический, крутящийся, с высокой спинкой, – откликнулась женщина. – Слева у стены кабинета диванчик, я же говорю, и рядом кресло. Он там кофе с чаем пьет... пил и разговаривал с посетителями.

– Со всеми посетителями?

– Да, даже с нами, сотрудниками, – покивала Филиппова. – Если только ругать кого собирался – за столом принимал. А так – на диван сажал.

– Понятно. Скажите еще вот что: вы слышали выстрел?

– Выстрел? – переспросила Филиппова.

– Ну да, выстрел. Дубовицкий ведь был убит выстрелом в грудь. Вы же сами сказали, что видели кровь на рубашке, – пояснила я.

– Да, конечно. Но, понимаете, Татьяна Александровна, выстрела я не слышала, – ответила Филиппова. – У нас тут, в здании, звукоизоляция хорошая – все-таки, когда репетиция идет, шумно очень становится. А директорский кабинет на втором этаже. Где же я услышу?

– Ну да, – согласилась я, – вы правы.

– Татьяна Александровна, я вот что еще вспомнила. Когда я вышла в аптеку, как раз в это время у входа в театр я столкнулась с Региной, это наша уборщица, молодая девчонка, но из неблагополучной семьи. Матери у нее нет – то ли бросила ее, то ли умерла, я точно не знаю, ведь неудобно лезть в душу, – а отец у нее горький пьяница. Вот ведь! У многих судьбы прям один к одному. Что у моей соседки, что у Регины. Так я это к чему говорю. То, что я вышла в аптеку, то есть оставила свой пост, это, конечно, моя ошибка. Ведь если бы я оставалась на месте, то увидела бы Владислава Григорьевича. А может быть, и преступника. Но ведь Регина была в это время в театре. Может, она что-то видела?

– А где ее можно найти? – спросила я.

– Ну, она должна убираться сейчас. Пойдемте, я покажу, где она швабру и тряпки хранит.

Мы вышли из костюмерного цеха и снова пошли по коридору. Филиппова привела меня к двери, около которой стояла девушка лет двадцати в сиреновом свитере и черных джинсах. Невысокого роста, худощавая, немного нескладная блондинка выглядела подавленной.

– Регина! – воскликнула Филиппова, увидев девушку. – А мы как раз тебя искали! А ты как раз кстати нам повстречалась. Вот, это, – женщина кивнула в мою сторону, – Татьяна Александровна, она частный детектив. Ищет того, кто застрелил Владислава Григорьевича.

При этих словах девушка вздрогнула. А я насторожилась: девица просто переживает из-за убийства или испугалась?

– Ты расскажи Татьяне Александровне, видела ли ты кого-нибудь постороннего в театре, пока я была в аптеке, – попросила вахтерша.

– Никого я не видела, – буркнула Регина, глядя исподлобья.

– То есть вы хотите сказать, что в то время, когда вы находились в театре, никого постороннего не заметили? – спросила я девушку.

Она опять еле заметно вздрогнула. На этот раз и Филиппова обратила свое внимание на поведение Регины.

– Региша, ну ты чего? – ласковым тоном спросила вахтерша. – Ты чего, боишься кого-то? Регина отрицательно покачала головой.

– Регина, скажите, а зачем вы так поздно пришли в театр в тот вечер, когда был застрелен Дубовицкий? – спросила я.

– Я ключи от квартиры в куртке забыла, – еле слышно проговорила девушка, – а куртку я в подсобке оставила, потому что жарко в тот день было. Зачем ее таскать с собой...

– А вы что, живете одна? – задала я следующий вопрос.

– Не одна, – все так же тихо ответила девушка, – с отцом. Только он в тот вечер опять напился. Я уже стучала-стучала, чуть дверь входную не расколошматила – никакого толку. Пришлось за своими ключами идти, – объяснила Регина.

Филиппова сочувственно покачала головой.

– Регина, а вы долго были в тот вечер в театре? – спросила я.

Девушка удивленно посмотрела на меня.

– Нет, недолго. Я только взяла куртку и сразу ушла домой, чего мне еще было делать?

– Хорошо, я поняла. Регина, расскажите, что происходило в тот день, когда был убит Владислав Григорьевич, – попросила я.

– А что могло происходить? – девушка пожалала плечами. – То же, что и всегда. Каждый занимался своими делами. Я вот уборку делала, полы мыла.

– В кабинете директора? – спросила я.

– Нет, я в кабинетах не убираюсь, я коридоры мою, – ответила девушка.

– Да, в кабинетах у нас другие убираются, – подтвердила Варвара Никифоровна.

– Может быть, вы, Регина, видели кого-нибудь постороннего? – продолжала я расспрашивать девушку.

– Да некогда мне разглядывать, кто посторонний, кто – нет! – вдруг почти выкрикнула уборщица. – Я уборкой занимаюсь. А не бездельем маюсь, вот!

– Регина, ты чего это? – удивленно спросила Варвара Никифоровна. – Чего ты так резко отвечаешь-то?

– Да потому что надоело все, тетя Варя! – сказала девушка и закрыла лицо руками. – Что ни день, то ходят, расспрашивают! Как будто, если я... если у меня... семья такая, то я... Ничего я не видела!

– Ну, ладно, успокойся, – Филиппова погладила ее по плечу и выразительно посмотрела на меня.

Я тоже поняла, что в таком состоянии, в котором сейчас находилась девушка, от нее вряд ли можно было добиться вразумительных ответов на вопросы. И теперь ее реакция вполне объяснима. Уборщица, девушка из неблагополучной семьи, вряд ли тепло относится к правоохранительным органам. А Кирины ребята работают на совесть – могли и впрямь девушку потрепать допросами-расспросами. Кому такое понравится?

– Регина, – обратилась я к уборщице, доставая из сумки визитку и протягивая ее ей, – вот мои координаты, если что-нибудь вспомните, позвоните мне.

– Ладно, – нехотя проговорила Регина и взяла визитку.

– Варвара Никифоровна, а кто сейчас исполняет обязанности Владислава Григорьевича? – спросила я вахтершу.

– Константин Владимирович Трегубенков, заместитель Владислава Григорьевича по хозяйственной части, – сказала Филиппова. – Точнее сказать, заведующий административно-хозяйственной частью, вот как называется его должность.

И снова Регина странно отреагировала на эту реплику. Ее лицо болезненно передернулось.

«Что с ней происходит? – подумала я. – Ее поведение очень странно выглядит. Как будто бы девушка чего-то или кого-то опасается. И она явно знает больше, чем говорит».

– Да, скорее всего, Константин Владимирович, – продолжала Филиппова. – Я так думаю. А кому же еще? Правда, есть еще художественный руководитель театра – Валериан Тимофеевич Владимирцев. Но вряд ли он будет временно заменять Владислава Григорьевича. Во-первых, он еще молодой, а во-вторых, Валериан Тимофеевич очень далек от хозяйственных проблем театра. Он человек творческий. Вот что-то новое поставить на сцене, в этом он, конечно, мастер.

– А он сейчас в театре? – спросила я. – Константин Владимирович?

– Да, конечно, – ответила Филиппова, – я видела его. Сейчас он за двоих работает, пока нового директора не назначили.

– А где находится его кабинет? – спросила я.

– Да вот надо будет пройти по коридору прямо, потом завернуть направо, там будет лестница, по ней подняться надо будет на второй этаж... ой, проще проводить туда, чем объяснять. Регина, проводи Татьяну Александровну, – обратилась вахтерша к девушке, которая продолжала стоять рядом с нами.

– Нет! – снова чуть ли не выкрикнула Регина и уже тише добавила: – Тетя Варя, не могу я, что-то плохо мне, пойду домой, прилягу.

– Конечно, конечно, ступай, отдохни, выпишься. Я сама покажу дорогу Татьяне Александровне.

– Ох, беда с ней, – провожая взглядом поспешно уходящую девушку, проговорила вахтерша, – хотя что можно ожидать хорошего от жизни с отцом-алкоголиком. Ну, пойдемте, Татьяна Александровна, я покажу вам, где находится кабинет Константина Владимировича.

Сначала я хотела более подробно расспросить эту странно ведущую себя девицу. Но потом решила, что лучше побеседовать с ней еще раз, отдельно. Мало ли, не захочет она тай-

нами делиться при вахтерше, которая еще и соседка. А наедине... может, и найдем общий язык.

Мы с Варварой Никифоровной пошли по коридору, миновав костюмерный цех, где недавно я задавала ей вопросы по поводу убийства директора, потом дошли до лестницы и поднялись на второй этаж. Мы прошли еще немного.

– Вот здесь кабинет Владислава Григорьевича, – сообщила Филиппова, кивнув на дверь, мимо которой мы прошли. – А кабинет Константина Владимировича подалее будет.

Я машинально подергала дверь кабинета директора. Заперто, как и следовало ожидать. Конечно, после работы полиции там искать особо нечего, но заглянуть не помешает. Но – без свидетелей, пожалуй.

Мы прошли площадку, которая, насколько я поняла, разделяла здание театра на две части. На одной из ее стен висела большая фотография в траурной рамке.

Варвара Никифоровна тяжело вздохнула.

– Надо же, какая ужасная смерть. А ведь он совсем молодой был, Владислав Григорьевич. Ну, что такое сорок два года? Тем более для мужчины. У него столько планов было, столько задумок! С его энергией можно было горы свернуть. Да, чего уж теперь говорить.

Сорок два? Ну надо же, значит, Екатерине всего 27 лет, моя ровесница. Меня это удивило: обычно я до такой степени не ошибаюсь в определении возраста человека. Женщина серьезно вымоталась? Да и стресс, наверное...

Я взглянула на фотографию директора. Да, выглядел он довольно молодо. У него было волевое лицо, пронзительный, можно сказать, орлиный взгляд и пышная шапка темных волнистых волос.

Оставив позади кабинет ныне покойного директора, мы прошли дальше. Расположение директорского кабинета я запомнила. Вряд ли, конечно, после полицейских криминалистов что-то смогу обнаружить, но попытаться стоит. Только без лишних свидетелей в лице Варвары Никифоровны.

По обе стороны коридора располагались двери, как я поняла, персонала театра: кабинет главного дирижера, художественного руководителя, заведующего литературной частью, еще какие-то помещения, уже без опознавательных знаков. Некоторые из дверей были приоткрыты, и оттуда доносились голоса работников театра.

Я услышала обрывки разговоров, которые велись в комнатах. Рефреном звучали слова: «ужас», «кошмар», «какая ужасная смерть». Нетрудно было догадаться, что обсуждалось недавно произошедшее убийство директора театра.

Наконец Филиппова подвела меня к двери, на которой было написано: «Заведующий административно-хозяйственной частью Трегубенков К.В.». За дверью мужские голоса, практически перебивая друг друга, что-то очень эмоционально выясняли.

– Ну вот, это кабинет Константина Владимировича, – сообщила вахтерша, остановившись у двери. – Ой, Константин Владимирович, кажется, занят. У него кто-то есть в кабинете. Вы уж сами дождитесь, Татьяна Александровна, когда Константин Владимирович освободится, а то неудобно сейчас входить к нему. А я пойду на вахту. Извините.

– Вам не за что извиняться, Варвара Никифоровна, – сказала я, – вы и так доставили меня до места назначения. Спасибо.

Филиппова кивнула и пошла. А я подошла к двери вплотную.

– Константин Владимирович, да откуда мне знать? – раздраженно произнес мужчина.

– Как это откуда вам знать, уважаемый Валериан Тимофеевич? – удивленно спросил другой мужчина. – Вы являетесь художественным руководителем театра и поэтому отвечаете за климат в коллективе.

– За творческий климат, позвольте вам заметить.

– Я согласен с вами. Но творческий климат ведь чем определяется? Дисциплиной прежде всего.

«Ага, значит, в кабинете Трегубенкова сейчас находится художественный руководитель театра Валериан Тимофеевич Владимирцев, – подумала я. – Интересно, что это они обсуждают на таких повышенных тонах?»

– И должен вам заметить, Валериан Тимофеевич, что ваша реплика «откуда мне знать» звучит... ну, по меньшей мере, несерьезно. Вы ведь не первый год работаете в театре. И в своей профессии вы отнюдь не новичок. Стало быть, вы уже изначально заточены на то, чтобы замечать малейшие нюансы. Я ни за что не поверю, что вы не знаете, что творится внутри коллектива. А вы бросаетесь такими заявлениями «откуда мне знать»! Меня это, прямо вам скажу, как минимум, настораживает. Может быть, вы не хотите мне сказать, что на самом деле происходит? Или же... Слушайте, Валериан Тимофеевич, кажется, вы давно не были в отпуске. Может, вам требуется отдых? Так вы так прямо и скажите. Я не буду возражать.

– Скажите же уж прямо, Константин Владимирович, что вы не нуждаетесь больше в моих услугах! – еще более резко, чем в самом начале разговора, который я застала, воскликнул худрук Владимирцев.

– Вы не правы, – возразил ему Трегубенков, – я безо всякой задней мысли предложил вам отдохнуть. Я, хотя к творческому процессу и не имею прямого отношения, понимаю, что существует профессиональное выгорание. Оно есть в любых профессиях, но в актерской среде – особенно. Так вот, чтобы его избежать, и существуют такие вот паузы. И ничего в этом зазорного нет. А что касается вас, Валериан Тимофеевич, так именно вы как нельзя лучше подходите на пост художественного руководителя театра. И это не только мое личное мнение. Буквально вчера меня вызывали в Управление культуры, прежде всего, конечно, в связи с трагическим происшествием. Валентин Георгиевич прямо сказал, что найти замену Владиславу Григорьевичу будет нелегко. Да... Но потом мы с Валентином Георгиевичем имели продолжительную беседу уже на текущие темы. Жизнь продолжается, как говорится. Так вот, мы с Валентином Георгиевичем поговорили и о вас, Валериан Тимофеевич. Он очень положительно отзывался о вашей кандидатуре в плане продления контракта. И очень ценно также и то, что вы, повторюсь, не новичок, что вы являетесь человеком уже проверенным, так сказать. Но Расторгуев подчеркнул, что на должности худрука необходим человек, который будет досконально вникать во все. Понимаете, Валериан Тимофеевич, вникать буквально во все процессы. В том числе и в вопросы дисциплины. Почему-то Валентин Георгиевич отметил, что с дисциплиной в театре существуют проблемы. Он так и сказал. И, кроме того, высказал свое мнение, что общее падение дисциплины сыграло не последнюю роль в том, что Владислав Григорьевич был убит в своем кабинете. А если учесть, что незадолго до гибели Владислава Григорьевича у вас с ним были серьезные противоречия...

Трегубенков не договорил. Его прервал Владимирцев, причем довольно резко.

– Да хватит вам воду в ступе толочь, в конце-то концов! – вскричал он. – Вы мягко стелите, да жестко спите! Кстати, и покойный Дубовицкий тоже был хорош!

– Послушайте, имейте же уважение к ушедшему человеку! У вас нет ничего святого! – воскликнул Трегубенков.

– Я имею представление о том, что можно, а чего нельзя! – отрезал Владимирцев. – Да, о покойниках или хорошо, или ничего. Вот именно поэтому я и не конкретизирую свою позицию. Но ведь вам, как никому, хорошо известно, сколько моих проектов зарубил на корню ныне покойный Владислав Григорьевич! И подозреваю, что не без вашего участия!

– Ну, знаете, это уже слишком! Вы кидаетесь такими необоснованными обвинениями! – с возмущением воскликнул Трегубенков.

– Это вы кидаетесь необоснованными обвинениями! – не остался в долгу Владимирцев. – Я, по-вашему, получается, виноват в том, что Дубовицкий был убит! Я, оказывается, не следил

за дисциплиной! А может, все-таки стоит спросить с ночных сторожей? Они ведь следят за порядком в здании театра. Кто проник ночью в театр и застрелил Дубовицкого? А, ладно! Можете и не продлевать со мной контракт! Обойдусь!

Послышался грохот, скорее всего, Владимирцев с шумом отодвинул стул. Я поспешила отойти от двери и вовремя. Дверь широко распахнулась, и из кабинета Трегубенкова буквально вылетел среднего роста мужчина лет тридцати пяти. Одет художественный руководитель театра был в фирменный джинсовый костюм. У него были пропорциональные черты лица и аккуратная бородка. Но темные глаза буквально метали гром и молнии. Он стремительно пересек коридор и скрылся.

А я озадачилась: с кем первым общаться? Худрук или замдиректора? Оба они на эмоциях, оба в раздраженном состоянии. А это мне на руку – на нервах люди склонны говорить больше и правдивее. И... пожалуй, первый – Трегубенков. Судя по подслушанному мной разговору, Владимирцева вывести из себя проще – если потребуется, конечно.

А побеседовать надо с обоими. Судя по всему, у Владимирцева с покойным директором театра сложились непростые отношения. Трегубенков... этот мог претендовать на место директора. И еще одна фамилия – тип из Управления культуры, некий Расторгуев, – тоже заслуживает моего внимания.

Я решительно расправила плечи и постучалась в дверь кабинета.

– Войдите, – послышалось в ответ раздраженное.

Я открыла дверь и вошла в кабинет заведующего административно-хозяйственной частью. Это было сравнительно небольшое помещение. Одну его стену занимал шкаф, напротив располагались кожаный диван и два кресла по его бокам. Окно закрывали металлические жалюзи. На подоконнике стояло несколько растений в керамических вазонах.

– Здравствуйте, Константин Владимирович, – сказала я, подходя к столу, за которым сидел представительный, уже начинающий седесть, мужчина в дорогом костюме и ослепительно-белой рубашке с галстуком. На вид его возраст приближался годам к пятидесяти.

– Здравствуйте, – ответил Трегубенков, – присаживайтесь, пожалуйста. Вы по какому вопросу? – спросил он.

– Меня зовут Татьяна Александровна Иванова, – начала я, садясь на стул напротив Трегубенкова. – Я частный детектив и занимаюсь расследованием убийства Владислава Григорьевича Дубовицкого.

На лице Трегубенкова появилось выражение сильного удивления.

– Вот как? А почему этим делом занимается частный детектив? – спросил он. – Насколько мне известно, расследование проводит Главное управление полиции. Они сразу приехали и уже опросили всех нас.

– Константин Владимирович, расследовать убийство директора театра меня попросила его сестра, Екатерина Григорьевна Нерасстроева, – объяснила я. – Вот договор на оказание данной услуги.

С этими словами я вынула из сумки договор и протянула его Трегубенкову. Заведующий хозяйственной частью театра довольно долго его читал, морща лоб. Наконец он вернул мне договор и спросил:

– Ну, а чем, собственно, я могу быть вам полезен? Я ведь уже ответил на вопросы следователя.

– Мне тоже придется задать вам ряд вопросов, Константин Владимирович, – сказала я.

– Ну, раз так... что ж, спрашивайте, постараюсь на них ответить, – с явной неохотой заметил Трегубенков.

– Позавчера поздно вечером был убит Дубовицкий. Расскажите, как вы провели этот день, – попросила я.

– Позвольте, Татьяна Александровна, вы что же, меня в этом убийстве подозреваете? – возмущенно спросил Трегубенков. – Ну, знаете ли! Только наслушался всяких гадостей от худрука, и теперь еще сыщица будет мне обвинения предъявлять! – не сдержался он.

– Константин Владимирович, я вас никоим образом не подозреваю. Просто работа у меня такая – вопросы задавать. Мы же с вами не хотим, чтобы убийство осталось безнаказанным? – попыталась умяснить я заместителя директора. – А что с худруком? – сочувственно спросила.

– Да что, что... творит черт знает что, нам по шапке прилетает, заворачивают очередную его идею «нового формата». И тоже... меня в подсиживании обвиняет! – ругнулся Трегубенков. – Не хочу об этом! И так придется кого-то нового на эту должность подбирать. Или отправить его в отпуск? Ладно, Татьяна Александровна, это не ваши проблемы. Простите мне мою несдержанность, мы после этого... трагического события все тут на нервах. О чем вы, говорите, хотели узнать?

– Расскажите, как прошел тот день, в который убили вашего директора.

– Ладно, расскажу. Если это так необходимо, – добавил Трегубенков.

– Крайне необходимо, – подчеркнула я.

– Хорошо. Значит, так. Я рано пришел в театр, потому что нужно было составить смету предстоящих расходов. У нас в планах значатся несколько новых спектаклей. Кроме составления расходов, нужно было также расставить приоритеты, потому что все сразу мы просто не потянем. Хотя возможно и потянем. Это при условии, если нам помогут наши партнеры, которые занимаются благотворительностью. У нас есть несколько человек, так сказать, меценатов, которые всячески помогают театру. Без них было бы очень нелегко... творчески выжить, так сказать. Но это так, лирическое отступление, да... так о чем я? Ах да, вы просили рассказать, как я провел день перед этим... трагическим событием. Я закончил все расчеты довольно поздно, часам к пяти вечера примерно. И сразу же отнес их Владиславу Григорьевичу. Он посмотрел, согласился и утвердил. Правда, были некоторые детали, которые у Владислава Григорьевича вызвали вопросы, но мы их быстренько утрясли. Он подписал окончательный вариант. Пока я находился в кабинете Дубовицкого, к нему пришел один из наших постоянных партнеров – Геннадий Олегович Подбельский.

«Подбельский. Эту фамилию я уже слышала от Варвары Никифоровны, – вспомнила я. – Вахтерша сказала, что этот самый Геннадий Олегович успешный бизнесмен и много помогает театру».

– А что, этот Подбельский часто появляется в театре? – спросила я.

– Да, они с Владиславом Григорьевичем давние друзья, – ответил Трегубенков.

– Продолжайте дальше, Константин Владимирович, – попросила я.

– Ну, а собственно, что продолжать? Я практически сразу же и вышел из кабинета, как только появился Геннадий Олегович.

– Почему же? У вас лично не сложились отношения с вашим спонсором? – рискнула я вновь вывести Трегубенкова на эмоции. Не удалось.

– Ну что вы! Почему же сразу «не сложились»? С чего вы это взяли? У меня практически со всеми людьми, с которыми мне приходится общаться, складываются очень ровные, доброжелательные отношения. Я по натуре человек не конфликтный, не злопамятный, если уж на то пошло. Ладно, это я так, для справки. Я вернулся к себе в кабинет, поработал еще немного, а потом собрался и поехал домой. У моей супруги был день рождения. Мы, правда, особого торжества не устраивали, потому что с некоторых пор жена очень болезненно стала относиться к тому, что каждый день рождения прибавляет ей год. Пригласили только самых близких людей и скромно отпраздновали практически в узком семейном кругу. Ну и вот. Когда я по дороге домой проходил мимо кабинета Владислава Григорьевича, то Подбельский был еще там. Они, кажется, что-то обсуждали.

– Сколько времени было, когда вы вышли из театра? – спросила я.

– Да примерно... шел уже восьмой час. Из дома в тот вечер я уже никуда не выходил. А утром мне сообщили... эту трагическую весть. Я сразу же приехал в театр, здесь уже велось следствие, меня допросили, как, впрочем, и остальных сотрудников театра. Вот, собственно, и все.

– Хорошо. Теперь ответьте вот на какой вопрос: у Владислава Григорьевича были недоброжелатели?

– Вы имеете в виду, здесь, в театре? – уточнил Трегубенков.

– Не только в театре. Я имею в виду, и в личной жизни тоже.

– Ну, по поводу личной жизни покойного Владислава Григорьевича я ничего определенного сказать не могу, мы все-таки не являлись друзьями-приятелями. А сплетнями и всякими домыслами я не интересуюсь. А что касается театра... понимаете, Татьяна Александровна, недоброжелатели имеются практически у любого человека, а уж если человек занимает достаточно высокое положение, то их наличие просто неизбежно. Пост директора театра Владислав Григорьевич занимает... занимал несколько лет. И проявил себя на этой должности очень грамотным руководителем. Причем во всех отношениях. Безусловно, Дубовицкий пользовался авторитетом у большинства сотрудников.

– У большинства, вы сказали, но не у всех? – решила я уточнить.

– Я полагаю, что хорошим для всех абсолютно быть нельзя. Всегда найдется кто-то, кто будет недоволен. Надо также учесть и то, что Владислав Григорьевич всегда был сам дисциплинированным человеком, и такого же отношения требовал и от других. Естественно, что были те, кому это не нравилось. В творческих коллективах ведь как? Всяких претензий к директору хоть отбавляй. Не нравится маленький гонорар, режиссер, балетмейстер, репетитор, да мало ли что еще. Зато к себе, любимому, требований – ноль целых. Можно прийти на спектакль, мягко говоря, не совсем в форме, можно не выучить слова арии и обругать ни за что ни про что суфлера или концертмейстера. Можно вообще не явиться на спектакль, придумав совершенно фантастическую историю. А Владислав Григорьевич строго относился к нарушителям дисциплины. Да, директором были недовольны. Наверное, недовольных Дубовицким можно назвать недоброжелателями, не знаю.

– Значит ли это, что в адрес директора поступали какие-либо угрозы от недовольных сотрудников? Вам известны подобные случаи? – спросила я.

– Нет, об этом мне ничего не известно. И я думаю, что вряд ли кто-нибудь в открытую, ну так, чтобы это стало общеизвестно, решился бы на открытый конфликт с директором. Я уже даже не говорю о том, чтобы кто-то из них мог совершить убийство. Нет, эти люди могут разве что только интриговать и заниматься подхалимством. Положительных героев они изображают на сцене, а в реальной жизни все происходит с точностью наоборот.

– Понятно. Скажите, Константин Владимирович, а у вышестоящего начальства не было нареканий к Дубовицкому? – спросила я.

– Вы имеете в виду наше Управление культуры?

– Ну, скорее всего, да, его. Ведь Дубовицкий, насколько я понимаю, подчиняется именно ему?

– Да, вы правы. Но Валентин Георгиевич Расторгуев – это начальник Управления культуры – и Владислав Григорьевич всегда находили общий язык. За все время работы в театре я не припомню случая, чтобы между ними возникали какие-нибудь конфликты.

– А не был ли в последнее время Дубовицкий чем-то озабочен или встревожен? – задала я следующий вопрос.

– Да нет... ничего такого я не замечал. Владислав Григорьевич, как всегда, был собран и полон новых планов. Да... мне до сих пор не верится, что его нет.

– Ну что же, – сказала я, вставая, – всего вам доброго, Константин Владимирович.

– До свидания, Татьяна Александровна, – ответил Трегубенков.

Я вышла из кабинета заведующего административно-хозяйственной частью и остановилась у двери, раздумывая, с кем мне еще следует поговорить. Надо бы поймать Владимирцева, пока он на эмоциях. Осмотреть кабинет директора. Связаться с супругой Трегубенкова и уточнить, действительно ли он отмечал ее день рождения и не отлучался ли куда.

С чего начать? Вдруг из-за закрытой двери услышала встревоженный голос Трегубенкова:

– Послушай, что вообще происходит, ты в курсе? Сейчас ко мне в кабинет пришла частный детектив Татьяна Иванова. Говорит, что ее наняла сестра Владислава... Да, для того чтобы расследовать и найти убийцу... Представляешь себе? Нет... ты не понимаешь, как будто мало нам полицейских! Да я... нет, я все понимаю, но... Ладно, тут мне звонят по внутреннему, пока. Да! Слушаю! Что там у вас опять? Хорошо, сейчас приду! Ждите!

Довольно громко чертыхаясь и выражая недовольство «безмозглыми лодырями», Трегубенков направился к двери своего кабинета.

Я быстро завернула за угол коридора, благо он был почти рядом. Трегубенков вышел из кабинета и направился в противоположную от меня сторону.

Я, недолго думая, открыла дверь кабинета и стала прикидывать, куда бы прикрепить «жучок». Меня не на шутку заинтересовал телефонный разговор Трегубенкова с неизвестным мне абонентом. Почему заместителя директора по административно-хозяйственной части так напугал мой визит, что он тут же сообщил о нем кому-то. И сделал он это, скорее всего, неспроста. Что-то за всем этим кроется.

Еще раз окинув взглядом кабинет, я увидела на столе барсетку. Это – то что надо. Важные разговоры необязательно могут вестись в кабинете. А вот барсетка чаще всего находится у хозяина. Конечно, если бы Трегубенков оставил в кабинете свой сотовый, я бы установила на него программу-«шпион». Было бы значительно удобнее слушать не только реплики Трегубенкова, но и его собеседника. Но, к сожалению, смартфон Трегубенков забрал с собой. Ну и ладно. Надеюсь, что и традиционного «жучка» будет достаточно.

Я быстро вынула из своей сумки подслушивающее устройство и прикрепила его с внутренней стороны барсетки, а затем быстро вышла из кабинета. И сделала я это вовремя: снова отойдя за угол коридора, я увидела приближающегося Трегубенкова.

Я подождала, пока Константин Владимирович вошел в свой кабинет, и только потом отправилась по коридору в поисках укромного места, где я могла бы без помех настроить только что установленный «жучок».

Да, техника, в том числе и шпионская, не стоит на месте. Мой знакомый сконструировал такой прибор, который позволяет не только услышать разговоры, которые ведутся на довольно большом удалении. Он также оповещает о том, что разговор начался, и даже, по словам моего знакомого умельца, может лоцировать объект на местности. Правда, пришлось выложить за это чудо техники кругленькую сумму, но он того стоил. Как бы я могла без него быть в курсе того, что замысливают подозреваемые? Я не могу присутствовать одновременно в нескольких местах. Не разорваться же мне на части, в самом деле.

Покончив с настройкой, я отправилась искать кабинет художественного руководителя. Он находился на этом же этаже.

Я постучала в дверь, на которой висела табличка «Владимирцев В.Т.».

– Открыто, войдите, – раздался голос Владимирцева.

Я открыла дверь и оказалась в маленьком помещении, всю обстановку которого составляли компьютерный стол у окна, небольшой диванчик, обитый темно-синим велюром, шкаф-стеллаж с толстыми папками с документацией и пара стульев. Владимирцев стоял у открытого окна и курил.

Увидев меня, художественный руководитель затушил сигарету и положил ее в пепельницу на столе.

– Чем могу быть полезен? – спросил мужчина.

– Здравствуйте, Валериан Тимофеевич, – поздоровалась я.

– День добрый, – отозвался Владимирцев. – Проходите и устраивайтесь поудобнее.

Худрук переложил несколько папок со стула на стол и пододвинул стул ко мне.

– Меня зовут Татьяна Александровна Иванова. Я частный детектив и по просьбе сестры Владислава Григорьевича занимаюсь расследованием его убийства.

Я почти дословно повторила Владимирцеву то, как я отрекомендовалась ранее Трегубенкову. Но в отличие от Константина Владимировича, художественный руководитель не удивился моему визиту и не стал ссылаться на то, что его уже допросили. И вообще, вел себя на порядок спокойнее и сдержаннее. Что, надо признаться, еще больше усилило мои подозрения в адрес Трегубенкова – этот скользкий тип определенно скрывает какую-то информацию.

– Мне необходимо задать вам ряд вопросов, Валериан Тимофеевич, – сказала я.

– Что ж, задавайте, – согласился худрук.

– Скажите, насколько тесно по служебным делам вы общались с Дубовицким? – спросила я.

– Очень тесно, Татьяна Александровна, вы даже не представляете себе, насколько, – в несколько ироничной манере начал Владимирцев, – вплоть до того, что любая моя инициатива должна была быть непременно согласована с директором театра. Для того чтобы назначить кого-либо из актеров на роль, я должен был согласовать это с директором. То же самое касалось и поощрений. Я уже даже не говорю о том, что и все мои творческие задумки непременно должны были быть одобрены им.

– Ну, насколько я понимаю, все это ведь относится к рабочим моментам, не так ли?

– Да, в принципе, это так, – подтвердил Владимирцев, – но ведь вы просили ответить, насколько тесным было наше общение, вот я и ответил. Я был вынужден обращаться к Дубовицкому практически по всем вопросам.

– Были вынуждены, вы сказали? Мне показалось, или же для вас обращение к директору для утверждения любого вопроса было сродни наступлению на горло собственной песне?

Я решила уточнить нюансы взаимоотношений директора и художественного руководителя. Может быть, мне удастся выяснить что-то, что прольет свет на убийство Владислава Дубовицкого.

– Ну, открыто мы с Дубовицким не конфликтовали, – сразу ответил Владимирцев. – Справедливости ради, надо сказать, что он был очень крепкий руководитель, грамотный, с большим опытом работы. Особенно это касалось административной стороны.

– А вас не ущемляло такое положение дел, при котором каждый нюанс должен был быть одобрен директором? – задала я провокационный вопрос.

Владимирцев внимательно посмотрел на меня.

– Вы, Татьяна Александровна, ненавязчиво пытаетесь узнать, не питал ли я к Дубовицкому неприязни настолько, что мог убить его?

Я покачала головой.

– Нет, если мне что-либо нужно узнать, то я не пытаюсь, я это узнаю. Так как же? Это я снова по поводу того, что без одобрения Дубовицкого ни один вопрос, в принципе, не мог быть решен.

– Я отвечу так. Владислав Григорьевич официально представлял наш театр, будь то какая-либо организация или государственный орган. Ну и, естественно, приказы издавал тоже он. И подписывал тоже.

– А что же оставалось на вашу долю, Валериан Тимофеевич? – спросила я.

– О, на мою долю оставалось немало. На мне висел весь творческий процесс. Ну, «висел» – это не совсем точное выражение. Скорее, я охватывал весь творческий процесс в театре. Главной составляющей этого процесса являются актеры. А, как известно, актеры –

это люди с большими амбициями, со своими характерами и особенностями. Если все пустить на самотек, то начнется такой хаос! Поэтому моя задача как художественного руководителя состоит в том, чтобы, прежде всего, следить за дисциплиной, чтобы исключить опоздания и пропуски репетиций, чтобы упорядочить репертуарную нагрузку на каждого актера. Ну и, кроме того, я формирую труппу, провожу актерские кастинги, активно провожу репертуарную политику.

– Вот вы ранее сказали, что открыто с Дубовицким вы не конфликтовали. Ну, а как насчет скрытой войны? – спросила я.

– Ну это уж чересчур сильно сказано. Никакую такую войну мы с ним не вели. Но в то же время сказать, что у нас с Дубовицким не было разногласий, тоже будет неправильно. Наши точки зрения по поводу творческой стороны не совпадали. Особенно это стало заметным незадолго до его убийства. Я по натуре вспыльчив, не могу этого отрицать. Но раньше Дубовицкий вел себя гораздо... уравновешеннее, что ли. А с месяц назад с ним явно что-то произошло. Все, что я ему ни предложу, он тут же отметал напрочь. А уж если было что-то принципиальное, то... Понимаете, были вещи, в которых мы с Дубовицким придерживались диаметрально противоположных взглядов. Так вот, стоило мне только высказать свое мнение в этом направлении, как он буквально становился на дыбы. Ну как можно было работать в такой обстановке?

– А как вы считаете, что могло повлиять на Дубовицкого? Или кто мог повлиять? – спросила я.

– Абсолютно не представляю, – Владимирцев развел руками. – О его делах я совершенно ничего не знал.

– Ну, а вы пытались найти с ним общий язык? – спросила я.

– Сначала, да. Я делал такие попытки. Но потом, когда понял, что это бесполезно, просто махнул рукой.

– А вы можете привести конкретные примеры? Ну, каким образом Дубовицкий нарушал ваши творческие планы?

– Ну вот, смотрите, Татьяна Александровна, – начал Владимирцев. – Такой конкретный пример. Не так давно на художественном совете театра было решено включить в план работы оперетту Дмитрия Шостаковича «Москва, Черемушки». Кроме того, я предложил также и его же «Светлый ручей», а также еще одну оперетту Исаака Дунаевского – «Белая акация». Я считаю, что эти произведения советских композиторов совершенно незаслуженно забыты. Наш театр сосредоточился преимущественно на зарубежных образцах этого жанра. Но ведь это неправильно. Почему предпочтение отдается «Сильве» Кальмана? Или же «Летучей мыши» Штрауса? Понятно, что эти оперетты являются классикой жанра. Но, на мой взгляд, зрителя необходимо знакомить и с отечественной опереттой. Так вот, Дубовицкий был категорически против моего предложения. Правда, позже, после неоднократных возвращений к вопросу репертуара директору пришлось уступить. Меня все же поддержал художественный совет. В репертуар включили оперетту Шостаковича «Москва, Черемушки». Но в действительности на этапе включения в репертуар все застопорилось. Мы так и не приступили к репетициям. Я неоднократно обращался к Дубовицкому с этим вопросом. Но дело с мертвой точки так и не сдвинулось.

– Вы хотите сказать, что директор никак не отреагировал? – спросила я.

– Ну как сказать... формально были придирки к оформлению необходимых документов. Хотя в их оформлении ошибки допущены не были. Смету директор сократил более чем наполовину.

– Может быть, затраты на постановку оперетты были слишком большие? – предположила я.

– На этот довод я внес свое предложение. В частности, я предложил сэкономить на декорациях, то есть оставить самый минимум. Потом еще можно было воспользоваться реквизитом из других спектаклей. Но...

– Стало быть, ваши доводы не были приняты во внимание? – резюмировала я.

– Татьяна Александровна, репетиции начались. Однако без объяснения причины Дубовицкий пригласил режиссера из другого города и изменил состав актеров. Режиссер этот был известен своими, гм... несколько скандальными трактовками известных спектаклей. А что касается произведения Шостаковича, то... боюсь, что его интерпретация не выдержала бы даже генерального прогона.

– И каков же итог всей этой истории? – спросила я.

– В итоге репетиции были отменены. У меня был еще один проект, который бы я хотел воплотить в жизнь. Я предложил Дубовицкому открыть на базе нашего театра музыкальную студию для детей. Я даже подготовил расчеты по этому проекту.

– Но директор снова отверг их? – предположила я.

– Да, представьте себе. Даже несмотря на то что этот проект, если бы он был претворен в жизнь, позволил бы заработать немалые деньги. Странно, однако...

– Что странно? – не поняла я.

– Мне показалось это странным. Потому что Владислав Григорьевич был буквально помешан на деньгах и пытался заработать их на всем, – объяснил Владимирцев. – Если какой-то спектакль пользовался успехом у публики, то Владислав Григорьевич жестко настаивал на том, чтобы увеличить количество спектаклей в ущерб остальному репертуару. Что же касается финансов... финансы в театре были. Возможно, это была помощь от меценатов-бизнесменов, возможно, какой-то иной источник. Я предполагаю, что у Дубовицкого были свои собственные взгляды и планы на дальнейшее развитие театра и его функционирование.

– Но вас он не ставил в известность относительно этого? – спросила я.

– Нет, никоим образом! – воскликнул Владимирцев. – В последнее время с Владиславом Григорьевичем просто невозможно стало работать. Он перестал воспринимать меня как художественного руководителя. Все вопросы, даже те, которые касались сугубо творческих задач, он решал практически единолично. А ведь творческий процесс относится к прерогативе художественного руководителя.

– Я вас поняла, Валериан Тимофеевич. Скажите, а как вы считаете, кто мог желать смерти директора? Кому она была выгодна? Возможно, с кем-то у него сложились весьма неприязненные отношения? Вы ведь в курсе настроений, которые сложились в театральном коллективе. Может быть, были те, кто был особенно недоволен Дубовицким?

Владимирцев пожал плечами.

– Если вы имеет в виду актерский состав, то... Да нет, вряд ли кто-то решился на такое. Хотя некоторые и выражали свое недовольство. Но, повторяю, нет. Едва ли за это можно убить. В конце концов, гонорары у нас неплохие, потенциал для развития имеется. А если что-то не нравится – всегда можно уйти в другой коллектив, мало ли их в Тарасове? Может быть, наши благодетели-меценаты? Может, у кого-то из них Дубовицкий взял в долг крупную сумму денег и не отдал вовремя, вот и результат. Хотя нет, едва ли, – тут же поправился худрук, – меценаты ведь помогают, как правило, безвозмездно, ну или в обмен на рекламу. Да и Дубовицкому вроде как на жизнь хватало – не сказать чтобы бедствовал, насколько я знаю. Если и были финансовые затруднения – я лично не в курсе...

– А много их? Я имею в виду меценатов, которые помогают театру? – спросила я.

– Да есть несколько. В основном все они – близкие приятели Владислава Григорьевича, – пояснил Владимирцев.

– Вы можете конкретно назвать, кто именно? – спросила я.

– Мне лично известен один из них. Это Геннадий Олегович Подбельский.

«Снова этот Подбельский, – мелькнуло у меня в голове, – уже несколько раз за сегодняшний день я слышу эти имя и фамилию».

– Да, Геннадий Олегович Подбельский, – повторил Владимирцев, – он чаще других приезжал к Дубовицкому. Это известный тарасовский бизнесмен. Он является владельцем шикарного ночного клуба «Золотое дно» и, по слухам, подпольного казино.

– А какие у них были отношения? У этого Подбельского и Дубовицкого? – спросила я.

– Ну, доподлинно мне неизвестно. Но я знаю, что Подбельский довольно часто приезжал к Владиславу Григорьевичу, подолгу находился у него в кабинете. О чем они там говорили, я не знаю. Но судя по тому, что Геннадий Олегович практически всегда выходил от Дубовицкого в хорошем расположении духа, отношения у них были вполне себе дружеские. Во всяком случае, я никогда не слышал, чтобы они ссорились или разговаривали на повышенных тонах. Хотя...

– Да? Вы что-то вспомнили, Валериан Тимофеевич? – спросила я.

– Да, вспомнил. Вспомнил, что Подбельский предоставил Владиславу Григорьевичу крупную сумму. Мы как раз разрабатывали проект ко Дню Победы. Но, к сожалению, от осуществления этого проекта впоследствии пришлось отказаться. А Подбельский сначала потребовал отчета, ну, на что были истрачены деньги. А когда выяснилось, что проект, под который были запрошены эти средства, не будет претворен в жизнь, то Геннадий Олегович потребовал вернуть деньги.

– И Дубовицкий их вернул? – тут же спросила я.

– Нет, насколько мне известно. Правда, скандалов по этому поводу у них не было. Но... чем черт не шутит? Ведь бизнесмены – это такой народ, что горло перегрызть готовы за свои деньги. Но это только мои предположения, – поспешил добавить Владимирцев.

– Я поняла. Скажите, Валериан Тимофеевич, еще вот что. В тот день, когда произошло убийство, вы виделись с Владиславом Григорьевичем? Разговаривали с ним? – задала я ряд вопросов.

– Нет, в тот день мы с ним не встречались. Днем я был занят: присутствовал на генеральной репетиции в тарасовской консерватории. Там был прогон дипломного спектакля. И я уже заранее присматривался к выпускникам. После прогона по традиции устроили небольшой фуршет. Домой я попал уже почти под утро. А с Владиславом Григорьевичем мы виделись накануне. Я перед началом спектакля зашел в кабинет Дубовицкого. У него такое правило: непременно перед спектаклем быть в театре. Вот и в тот раз я зашел к нему, мы немного поговорили, обсудили текущие дела. Да... А рано утром мне позвонили и сообщили...

– Значит, вы не в курсе, кто мог быть в качестве посетителя у Владислава Григорьевича непосредственно перед убийством? – спросила я.

– Нет, ничего не могу сказать на этот счет, – твердо ответил Владимирцев.

– Ну, ладно, – сказала я и встала. – Да, еще вот что. Дайте мне свои координаты, если мне понадобится уточнить что-либо.

– Да, конечно, вот, возьмите мою визитку.

Владимирцев протянул мне кусочек картона.

– До свидания, Валериан Тимофеевич.

– И вам всего доброго, – сказал худрук.

Я вышла из кабинета Владимирцева и в раздумье остановилась. Пожалуй, Владимирцев прав: мне сейчас необходимо будет увидеться с меценатом Подбельским, для того чтобы прояснить некоторые вопросы, в том числе и главный вопрос: отдал ли Владислав Дубовицкий бизнесмену взятые в долг деньги?

Деньги, деньги... По статистике, финансовые вопросы – одна из наиболее часто встречающихся причин убийств. Должники и кредиторы, жаждущие денег жены и мужа... Значит, стоит потянуть эту ниточку.

Только сначала побываю в кабинете Дубовицкого, вдруг что увижу любопытного.

Я шагнула по коридору мимо выхода на лестницу, когда увидела поднимающуюся мне навстречу Маргариту Старожилову – репетитора балетной труппы театра. Ту самую Светкину клиентку, которую бросил любовник.

В данный момент Маргарита выглядела гораздо хуже, чем тогда, когда в антракте мы со Светкой встретили ее в фойе театра. Видимо, ее «любовная лодка» разбилась полностью.

Когда мы поравнялись с репетитором, я окликнула ее, потому что женщина шла, не поднимая головы.

– Маргарита, здравствуйте, – сказала я.

Старожилова посмотрела на меня, и мне показалось, что женщина меня не узнала, потому что ее взгляд выражал полное недоумение.

– Меня зовут Татьяна Иванова, я подруга Светланы, вашей парикмахерши. Не так давно мы встречались с вами на спектакле здесь в театре, – напомнила я.

– Ах, да. Простите, я не сразу вас узнала. Просто...

Маргарита остановилась, не договорив фразу.

– Маргарита, я провожу расследование убийства вашего директора, Владислава Григорьевича, и опрашиваю сотрудников театра. Мне необходимо задать вам ряд вопросов. Где бы мы с вами смогли поговорить? – спросила я.

Старожилова вздрогнула и правой рукой дотронулась до воротника жакета. На ней был тот самый жакет с перламутровыми пуговицами, на который я обратила внимание несколько дней назад, когда мы со Светкой были на спектакле. Но сейчас верхняя пуговица на жакете отсутствовала. Интересненько. Но вроде бы в кабинете Дубовицкого пуговиц найдено не было.

Случайность? Слабо верится. Маргарита и есть убийца? Не знаю, не знаю... Но проверить стоит. Вполне возможно, впрочем, что пуговица оторвалась, а ее потерю Маргарита заметила не сразу. К тому же пуговицы на жакете неординарные, подобрать такую же точно пуговицу практически невозможно – будет отличаться от остальных. Выход один – нужно заменить их все. Но, скорее всего, времени на это у Маргариты не было. Иначе она бы не ходила с оторванной пуговицей. В любом случае, дамочка в шоке – холеная особа, которая бродит по театру в пиджаке без пуговиц – на мой взгляд, нонсенс. Была в отношениях с Дубовицким? Ладно, буду разбираться.

– Так, где нам будет удобно поговорить, Маргарита? – я снова задала ей вопрос.

– А что вы хотите узнать? – нервно спросила она. – Я мало что могу рассказать. И потом... у меня сейчас... сложная ситуация... в личном плане.

– Я вам сочувствую, Маргарита, – сказала я, – но я вас долго не задержу. Поверьте, мне очень нужно поговорить с вами. Для того, чтобы в самое ближайшее время найти убийцу Дубовицкого, – добавила я.

Старожилова провела рукой по волосам.

– Так, где нам будет удобно поговорить? – настойчиво, еще раз спросила я.

Маргарита вздохнула.

– Ну раз вам это необходимо, то... давайте пройдем... у нас тут есть комната отдыха, можем пройти туда.

– Очень хорошо, давайте пройдем в комнату отдыха, – согласилась я.

Маргарита привела меня в небольшую комнатку, все убранство которой составляли два маленьких дивана, два кресла, журнальный столик и стул в углу. Скромно, но уютно.

Я села на диван, а Маргарита устроилась в кресле.

– Татьяна, я сразу же хочу вас предупредить, что я – человек творчества, – начала Маргарита. – Я совсем недавно танцевала на сцене, ну не на первых ролях, но тем не менее... Татьяна, я это вам к тому говорю, чтобы вы понимали, что ни с директором, ни с его заместителем – Константином Владимировичем, я не сталкивалась настолько близко, чтобы могла говорить о них. Из руководящего состава, пожалуй, только Валериан Владимирович составляет

исключение. Это художественный руководитель театра. А так... Ну, конечно, балетная труппа, ее артисты, репетитором которых я являюсь. Вот и все.

– То есть с Дубовицким вы не общались? – уточнила я недоверчиво.

– Почему не общалась? – удивилась Маргарита. – Разумеется, мы обсуждали рабочие вопросы. Но не так уж часто, с ним больше взаимодействовал Валериан, Владимирцев, – добавила она быстро. – Я все больше с Валерианом обсуждала концепцию постановки спектакля.

Старожилова выжидающе посмотрела на меня.

– Ну хорошо, расскажите тогда о Владимирцеве, – попросила я.

– Что о нем можно сказать... Как я уже заметила, он – хударук, отвечает за творческую составляющую театра. Он занимает, можно сказать, второе место по значимости после директора. После Дубовицкого.

– Но теперь, после гибели Владислава Григорьевича Владимирцев, он, что же, получается, становится первым в театре? – спросила я.

– Ну нет. Тут вы, Татьяна, ошибаетесь. Владимирцев отвечает за художественный процесс в театре. И это – все. Функции, которые выполнял Дубовицкий, он выполнять не сможет. Собственно, он и не захочет впрягаться в это дело. Для этого нужны другие способности и другой характер. Более деловой. Более хваткий. Владимирцев же весь погружен в искусство. Нет, ему приходится, конечно, опускаться с высот искусства на грешную землю, как же без этого. Вступает в конфликты то с директором, то с его заместителем. Но больше всего, конечно, раздоры были с Дубовицким.

– А что так? – спросила я.

Маргарита пожала плечами.

– Ну это вообще-то в порядке вещей. Я имею в виду учреждения культуры. Видите ли, их руководителей интересуют прежде всего деньги и только деньги. А искусство для них – дело второстепенное. Поэтому если директор отклонит финансирование нового проекта, выведет из репертуара новую постановку, которая особенно дорога хударуку, или отменит репетиции, то... вот он конфликт.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.